

КСЕНИЯ КОРНИЛОВА

НОВАЯ НОРМА

«ОДНА МЫСЛЬ ИЗМЕНИТ ВСЬ МИР»

18+

Ксения Корнилова

Новая Норма

«Автор»

2024

Корнилова К.

Новая Норма / К. Корнилова — «Автор», 2024

Кассандра научилась не только читать мысли других, но и путешествовать во времени по линии своей жизни, менять свое мышление и, как следствие, менять будущее. Но никто не отменял эффект бабочки – перекраивая свою судьбу, девушка влияет на будущее человечества. Сложно устоять перед соблазном устроить идеальный мир, имея такую силу в своих руках. Вот только какова цена вопроса и сколько раз потребуется ломать мир, чтобы достичь совершенства?

© Корнилова К., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Жизнь 1. Безысходность	5
Жизнь 2. Одиночество	18
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Ксения Корнилова

Новая Норма

Жизнь 1. Безысходность

Кассандра сидела на колченогой табуретке, покачивающейся в такт ее редким движениям – путь руки с зажатой между кончиков пальцев сигаретой до опущенного в грустной ухмылке уголка губ и обратно к чуть подрагивающему колену. После каждой затяжки она морщилась, чувствуя, как дым раздирает больное горло – не любила курить, но сегодня не нашла ничего лучше, чем можно было бы занять свой свободный вечер, плавно растворяющийся в ночи, как сахар в плотной массе взбивающихся для меренги яичных белков, такой плотной, что, казалось, вот-вот задохнешься.

Больше сигарет Кассандра не любила такие вот моменты, требующие глушить роящиеся в голове мысли. Каждый раз разные. Хотя иногда даже нравилось вот так сидеть, в полной темноте, сгорбившись, на кухне, смотреть на затихающий вечер, на зажигающиеся окна дома напротив и наблюдать за потоком слов, как за клубком червей, копошившихся у нее в голове. Иногда это ни к чему не приводило, и тогда она, вздыхая, шла в спальню, где громче включала телевизор – так, чтобы мысли в ужасе прятались в свои затхлые норы. Час или два спустя ей даже удавалось заснуть.

Но случались дни, когда у нее получалось ухватить одну главную, самую жирную и упитанную мысль за хвост и с противоречивыми чувствами удовольствия и отвращения рассматривать ее. Видеть, как она извивается в воображаемых пальцах, и думать ее. Думать, пока не захочется блевать. Иногда, кстати, это помогало, правда, сначала приходилось залпом выпить стакан или два неразбавленного виски, но это того стоило.

Сегодня был как раз такой «счастливый» день. И не потому, что ей исполнялось тридцать лет, а из-за того, что удалось поймать и выписать в заметки на планшете мысль: «Ты навсегда застряла в этом дерьме». Покусав кончик стилуса и наморщив лоб так, что ей легко можно было накинуть лет десять, она дописала: «Я боюсь, что всегда буду жить такой жизнью».

Тут же к горлу подкатила волна желчи. Если бы Кассандра удосужилась поужинать или хотя бы выпить стакан сока, ее бы точно вырвало.

Сделав пару глотков воды из давно не мытого стакана с водой, на ободке которого скопилась грязь, девушка поморщилась, сглотнула, с трудом проталкивая жидкость дальше по пищеводу, и вздохнула. Виски сегодня не хотелось.

Раздавив докуренную до фильтра сигарету, Кассандра с трудом поднялась с табуретки и подошла вплотную к окну, прислонив лоб к холодному стеклу. От ее дыхания вид на город и дом напротив мутнел и затуманивался.

Отойдя назад на два шага, она поднесла дрожащую руку к правому виску и начала массировать пульсирующую болью точку, глядя на свое отражение на фоне черных силуэтов домов. Девушка по ту сторону стекла билась в немой агонии, открывая рот так широко, что, казалось, он вот-вот треснет, разрывая щеки кровавым зигзагом.

– Откуда это у меня? – равнодушно произнесла Кассандра и вздрогнула – в тишине квартиры голос прозвучал как из потустороннего мира.

Ответом было молчание. Даже копошившиеся черви мыслей замерли в испуге. Не приведи Господь, очередного поймают за хвост.

Кассандра вздохнула и пошла в спальню. Спать не хотелось, но желание приблизить следующий день, полный забот, способных выгнать ненужные мысли или как минимум приглушить их, было сильнее.

Она хорошо ориентировалась в темноте квартиры, чуть подсвеченной уличными фонарями. Сбросив тяжелый плед с кровати, Кассандра легла, включила телевизор и, отвернувшись к стене, слушала свой любимый сериал. Она привыкла к такому – только слушать. Потому что так было легче, чем еще и смотреть на ту жизнь, которую себе позволить не может.

– Завтра, – пробормотала она в полудреме. – Завтра будет новая жизнь.

***

Кассандра проснулась от крика матери.

– Сандра! Сандра! Вставай, дрянь такая! Опоздаешь! – голос был прокуренный, но громкий.

Она открыла глаза и, не шевелясь, оглядела свою детскую комнату. Где она? Подскочив на кровати, девочка мотала головой из стороны в сторону, пытаясь насмотреться, надышаться, послушаться знакомой обстановкой.

Она жила с родителями до восемнадцати лет, пока мать ровно в день ее рождения не проводила дочку в институт с напутствием: «Не смей возвращаться. Слышишь?» Кассандра тогда обиделась. Но спустя несколько лет она поняла, что мать все говорила из лучших побуждений – сделать жизнь дочери невыносимой в этом маленьком, забытом Богом городке, чтобы она однажды уехала и никогда не возвращалась. Так хотела ее мать, будучи подростком, для себя. Но не случилось.

Не случилось и у Кассандры.

Подбежав к зеркалу, девушка уставилась на свое отражение, широко раскрыв глаза. На нее смотрела тощая рыжеволосая озорная девчушка с копной торчащих в разные стороны волос, похожих на вьющуюся проволоку, и ярко-голубыми глазами. Такими большими, что девочка поддавалась желанию и наклонилась ближе к зеркалу, оставляя на нем туманные следы дыхания. Увидев это расплывающееся мутное пятно, она вздрогнула и отшатнулась.

Где она? Что с ней? Вчера легла спать взрослой тридцатилетней женщиной, а сегодня проснулась в теле ребенка. Критически прищурившись зеркалу, девочка предположила, что ей сейчас, должно быть, лет шесть, а значит...

Не успев додумать свою мысль, маленькая Кассандра сжалась, сделавшись в два раза меньше. Она услышала его. Джонатан Росс, ее отчим. Точнее, один из случайных и многочисленных ухажеров матери, почему-то решивший вступить с ней в законный брак.

– Норма, ты чего орешь? Разбудила, овца!

Норма Дэринг притихла. Перестали греметь тарелки собираемого на стол завтрака. Из спальни послышался скрип кровати под грузным телом старого Джо, и вскоре по коридору зашлепали его босые ноги. Он прошел мимо ее комнаты, задержавшись на долю секунды в решении, зайти в комнату падчерицы или нет, и вскоре уже послышались звуки пощечин. Звонкие, зычные, похожие на выстрелы из детского пистолета с пистонами.

Кассандра так и стояла посреди комнаты, боясь пошевелиться. Наконец, когда раздался стук двери – отчим вышел во двор, чтобы покурить, – она быстро натянула смятые, валяющиеся в старом протертом кресле брюки и футболку и вышла к матери на кухню.

– Мамочка, – прошептала девочка, опустив в пол глаза. – Ты... как?

Она не помнила, чтобы когда-нибудь в детстве называла Норму Дэринг мамочкой. Это пришло к ней много позже, когда она выхаживала ее в последние минуты жизни. Она напряг-

лась от мысли, что та может что-то заподозрить, и женщина и правда повернула к дочке свой бесцветный взгляд, спрятанный под нависшими веками, и ухмыльнулась.

– А, нормально. И ты привыкай. Достанется тебе такой же... – Норма сплюнула в раковину – благо стояла рядом, – Принцы только в сказках бывают. И то не во всех. А сказки тебе точно не видать – будешь всегда жить такой же жизнью, как я...

Норма Дэринг рассмеялась и тут же прикусила язык, услышав скрип входной двери. Джонатан Росс вернулся на завтрак.

После улицы он выглядел посвежевшим и как будто веселым, что случилось с ним только после того, как он пропустит бутылку-другую самого крепкого пива, которое только мог найти в местном магазине. Пить ради удовольствия он не умел, поэтому напивался вдрызг. Так, что иногда Норма Дэринг неслась в соседский двор вызволять своего суженого, случайно завалившегося в клумбу с розами.

– Ну что, девчонки? Как жизнь молодая? – Джонатан шлепнул жену по заднице и уселся за стол, положив руки себе на колени. – Иди сюда, Касс. Не бойся, не обижу.

Отчим правда никогда ее не обижал. Иногда он даже был вполне приличным отцом, возившим свою падчерицу в местный парк на аттракционы. Тогда казалось, что они могли бы быть вполне счастливой семьей – она, ее мать и этот чужой, по сути, мужчина. Но проходила пара дней, Джонатан начинал все чаще раздражаться по любому поводу, а потом и вовсе цеплялся за какую-то мелочь вроде плохо разогретого ужина, разбивал пару тарелок, отвечивал пару пощечин жене и уходил напиваться в местный бар или к друзьям. Даже будучи маленькой шестилетней девочкой, Кассандра понимала, что отчим начинает бучу только для того, чтобы иметь повод пойти и выпить со словами «Как вы все меня достали!» На следующий день он опустошал бутылку легкого пива и был готов снова казаться хорошим мужем и отцом. Пока...

– Чего зависла, малая? – заржал Джонатан Росс и повернулся к столу. – Не хочешь – не иди. Я же не зверь.

«Наверное, вчера была очередная попойка, а на улицу он ходил, чтобы выпить бутылку пива из холодильника в гараже», – подумала про себя Кассандра и улыбнулась. Ей очень не хотелось, чтобы это ее странное возвращение в детство омрачалось пьяным угаром.

– Кстати, почему я тут? – пробормотала девочка себе под нос и смешно нахмурила маленький носик, заставив отчима заржать еще громче.

– Потому что тебе не повезло, – пробурчала Норма Дэринг и подтолкнула дочь к столу, на котором уже дымились на тарелке неровные и, как водилось, невкусные блинчики.

Щедро налив кленовый сироп сверху на высокую гору плохо прожаренного теста, Кассандра принялась ковырять их вилкой, надавливая сверху, чтобы через дырочки выходили капельки тягучей сладкой жидкости. Высокий стакан с молоком она проигнорировала – отвращение к нему пришло к ней гораздо позднее, лет в двадцать, но попробовать на вкус эту пахнущую силосом жижу желания не было.

– Ты сегодня в школу, – буркнула Норма и уставилась в свою стопку блинов.

– Как в школу, ма? – удивленно вытаращила глаза маленькая Кассандра. – Сегодня разве не воскресенье?

– Воскресенье, – с набитым ртом кивнула женщина и закашлялась, после чего отвесила дочери подзатыльник и в ответ на выступившие слезы шикнула. – Когда я ем...

– ...я глух и нем, – прошептала девочка и вздохнула.

Она уже забыла, что иногда мать отправляла ее в школу и в выходные, оставляя там у своей приятельницы, присматривающей за пустыми классами, миссис Бенедикт. Жутко неприятная, пахнущая потом и чем-то кислым бабища, в которой было не меньше 100 килограммов. При ее маленьком росте она была похожа на шар, еле катающийся по пустым коридорам.

После завтрака Джонатан отрыгнул и вышел во двор покурить. Норма Дэринг молча собрала посуду со стола, выкинула недоеденные комки теста в мусорное ведро и выразительно посмотрела на дочь: «Помой тарелки».

Кассандра соскочила со стула и огляделась вокруг. Кухня казалась ей огромной, и она невольно вспомнила, как приезжала сюда последний раз, когда продавала этот дом. Ей было двадцать шесть лет, она только-только похоронила мать, тихо умершую в больнице. Тогда это маленькое помещение давало на нее своими стенами, а полуразваленная мебель грозила вот-вот обрушиться, похоронив под собой остатки ее детства.

Сейчас же маленькой Сандре казалось, что места тут вполне хватает – вот и стол есть куда поставить, и три стула. Правда, их приходится придвигать к стене, когда мать начинала готовить, но это не так страшно. Да и мебель казалась не такой уж старой – всего-то пара десятков царапин на столешнице и две поломанные ручки на шкафчиках, которые Джонатан Росс так и не удосужился починить, хотя обещал еще прошлой весной. Девочка вспомнила, как мать пыталась поставить новые ручки сама, но ее муж так отделал ее за то, что она «лезет в его мужские дела», что потом неделю не сходили синяки, а лопнувшую кожу на переносице пришлось зашивать, и сейчас на лице Нормы Дэринг красовался уродский шрам, не делающий ее и без того неприятную внешность более располагающей.

Кассандра отодвинула маленькую табуретку, шатавшуюся и поскрипывающую, и залезла на нее, собираясь помыть грязные тарелки. Спорить с матерью не имело никакого смысла, хотя это она поняла только сейчас, в свои тридцать лет, запертые в этом хрупком безропотном теле.

Вода была ледяной. У них в доме нагреватели были установлены в спальне хозяев, так что маленькая Сандра умывалась по утрам только холодной водой, и только раз в неделю ей разрешали помыться под горячим душем – надо было экономить. Вздвогнув, когда ледяные струи попали на ее кожу, девочка чуть не уронила тарелку в раковину – роковая ошибка, которая могла ей очень дорого стоить, – но вовремя сжала свои маленькие пальчики и не дала ей ускользнуть. Пронесло.

Через десять минут на кухню вошла Норма Дэринг и недовольно нахмурилась.

– Долго возишься, Сандра, – прикрикнула она на дочь и шлепнула ту по заднему месту. Не больно. Скорее обидно.

– Я уже закончила, мамочка, – пробормотала Кассандра и поставила последнюю домытую тарелку на подставку, стоявшую тут же у раковины.

– Собирайся, тебе пора. Миссис Бенедикт уже ждет.

– Я... пойду одна? – робко переспросила девочка.

– А ты хочешь кортеж? – заржала Норма и опять нахмурилась.

– Нет, я подумала...

– Зря напрягаешься, – грубо перебила мать. – В твоей пустой голове вряд ли родятся хорошие идеи. Так что и стараться не стоит.

Кассандра поджала губы. Ей было обидно, но радовать мать своими слезами она была не намерена.

– Мне можно взять с собой книгу? – жестко сказала как отрезала девочка, вызвав нескрываемое удивление Нормы.

– Бери, – женщина посторонилась, пропуская дочь на выход, и проводила ее глазами.

– Спасибо, – вздернув свой маленький курносый нос еще выше, девочка вышла из кухни, убежала к себе в комнату и уже через минуту пронеслась в обратном направлении в сторону входной двери.

На улице пахло весной. Кассандра всегда узнавала этот запах: затхлая и разложившаяся под снегом листва, кучки собачьего дерьма и разряженный после дождя воздух.

Перепрыгнув сразу через три ступеньки, девочка повернула направо и побежала по улице, стараясь надыхаться, насмотреться, начувствоваться этим моментом. Это счастье, что он повторился, но где вероятность, что это произойдет вновь или не исчезнет через мгновение.

Путь до школы лежал по прямой, поэтому маленькой Кассандре никогда не составляло труда найти дорогу, а мать не боялась отпускать ее одну. Подойдя к высоким деревянным дверям, девочка потянула на себя тяжелую створку и вошла в полумрак привычно пустого коридора. Она еще не училась здесь, ее не приняли раньше времени в первый класс, хотя читала она уже бегло и вполне неплохо могла складывать и вычитать. Поэтому единственная возможность тут побывать ей предоставлялась именно в те выходные дни, когда Норма Дэринг уж очень хотела сплавить дочь подальше от себя, чтобы либо заняться уборкой по дому, что бывало не чаще двух раз в год, либо просто валяться на диване весь день и смотреть сопливые мелодрамы. Можно было даже пустить слезу, смотря на разрушенные мечты героев фильмов. Это не так обидно, как плакать над собственной жизнью.

– Касси, это ты? – крик Ланы Бенедикт был на удивление тонкий и писклявый, и Кассандра поморщилась.

– Я, миссис Бенедикт! – в пустом коридоре ее шепот отдавался эхом и возвращался к ней.

– Не бегай там! Я только полы помыла! – завизжал противный голос.

– Я аккуратно, – буркнула Кассандра, протискиваясь в тесную комнатушку, почти полностью занятую огромным столом, за которым сидела ее сегодняшняя надзирательница.

Девочка села на маленькую табуретку, стоявшую прямо у окна, и зажмурилась. Солнечный свет проникал сквозь грязное маленькое окно, как будто лазерный луч, попадая прямо в глаза.

– Миссис Бенедикт?

Женщина гневно зыркнула в сторону окна и прищурилась. Она смотрела какую-то передачу по маленькому телевизору, стоявшему на столе перед ней, и не хотела, чтобы ее кто-то отвлекал.

– Можно я пойду посижу в холле? Я там ничего не трону, – Кассандра подняла увесистую книгу с большой синей птицей на обложке и покрутила над головой. – Почитаю.

– А тут тебе чего не сидится? – Лана Бенедикт пошевелилась, и кресло под ее грузной фигурой жалобно заныло.

– Свет в глаза падает, – призналась девочка. – Да и мешать я вам тут буду. А там никого нет.

– Иди, недоразумение. К одиночеству тоже надо привыкать. От мамки съедешь – с кем останешься?

– Замуж выйду, – Кассандра уже стояла у двери, но решила ответить.

– Ой, не советую! У меня вон – три мужа было. И что? А ничего хорошего! Все ушли. Кто в саму преисподнюю, а кто к шалавам, – миссис Бенедикт икнула и взяла бутылку легкого пива. Она обычно выпивала две или три, пока дежурила в выходной в школе.

– Не все же такие. Можно уехать туда, где другая жизнь... – неуверенно пробормотала Кассандра и вдруг у нее промелькнула мысль. Промелькнула и сразу исчезла.

– Все, нерадивая, все. Поэтому мой тебе совет – жить надо ради себя и только одной. Окончишь школу – ищи способ удрать из этого проклятого города, но не рассчитывай, что где-то кардинально лучше. Хорошо там, где нас нет.

– Мне кажется, где-то есть места лучше... – девочка бросила попытки поймать сбежавшую мысль и облокотилась на дверь, собираясь продолжить разговор.

– Вот про это не скажу – не была нигде. Но моя сестра выбралась из этой глуши и, поговаривают, даже родила двоих детей, – Лана Бенедикт окинула девочку презрительным взглядом, – хотя это то еще счастье. У меня хоть спиногрызов нет.

Кассандра поджала губы и молча вышла из комнатухи, оставив свою надзирательницу с почти допитой бутылкой пива и тупым телевизионным шоу.

Идя по пустым коридорам вдоль школьных шкафчиков, запертых на выходные дверей и кадок с полусдохшими растениями, почему-то подумалось об одиночестве. Сейчас оно ей доставляло скорее радость, чем беспокойство – те недолгие моменты, когда удавалось побыть одной, были самыми счастливыми для девочки, потому что, откровенно говоря, просто не находилось рядом того человека, с кем ей стало бы комфортно. Ну кроме тех немногочисленных моментов, когда ее семья выбиралась на городские ярмарки или в цирк.

Забившись в угол между двумя креслами в холле, Кассандра расположилась прямо на полу, подтянула колени к груди и открыла свою книгу. Это была большая энциклопедия птиц – почему-то их девочка любила больше, чем животных.

«Наверное, потому, что они могут улететь куда хотят», – подумалось ей в который раз.

Переворачивая страницу за страницей, Кассандра водила пальчиком по бумаге, вчитываясь в короткие заметки об ареале и повадках той или иной птицы.

Незаметно прошел день. В пять часов вечера глухим эхом по коридорам раздался мерзкий звук – миссис Бенедикт искала девочку, благополучно уснувшую прямо на полу, положив голову на белую цаплю, взъерошенную и удивленную.

Домой Кассандра возвращалась одна. Было еще светло, но в некоторых домах уже зажегся первый свет – матери готовили еду детям или наливали стакан виски мужьям. Одно из двух.

Их район не отличался красотой или богатством. Маленькие захудалые, иногда даже полуразваленные домишки, как будто собранные наспех из того, что попало под руку, покоились от времени и печали, потому что вынуждены в своих прогнивших чревах терпеть это человеческое отродье, называющее себя низшим классом и живущим на пособия от государства. Все лучше, чем работать с 9 до 18.

Кассандра поморщилась, когда увидела незнакомого пьяного вдрызг немытого мужика, развалившегося прямо на ее пути. Видимо, он изо всех сил пытался добраться до промятого дивана, но что-то в его плане пошло не так.

Обойдя мужчину стороной, девочка не удержалась и пнула незнакомца прямо в обрюзгший живот, но тот даже не ойкнул, только мягкая волна прокатилась по желеобразному телу, едва прикрытому тонкой футболкой.

«Точно не принц из сказки», – хмуро подумала Кассандра и тут же вскрикнула от неожиданности зазвучавшего в ее голове голоса матери: «Будешь всегда жить такой же жизнью, как я!» Это оно!

Она тут же вспомнила, как прожила этот самый день первый раз, услышала от матери эти слова и прямо тут же по дороге из школы сама в этом убедилась, встретив на пути этого отвратительного мужика. Главу чьей-то семьи. Может, даже отца чьих-то детей, но уж точно не сказочного принца.

Получается, не просто так она попала именно в этот день – нужно разрушить это убеждение, которое досталось ей от матери, чтобы наконец-то побороть свой страх навсегда жить такой же никчемной жизнью.

И дело было не в том, чтобы просто не жить с таким вот «принцем». Быть одной Кассандре нравилось, и она этого не боялась. Сама мысль о том, что кто-то сможет вносить свои коррективы в ее хаотичное безделье, вызывала гримасу отвращения на ее лице. Но сейчас, стоя тут, на этой улице среди перекошенных домов под животные звуки храпа, доносившиеся со спины, девочка решила, что дело не только в одиночестве, а вправе выбирать, где жить и кем быть. Она чуть поникла, когда опять пришло сомнение: вряд ли получится что-то изменить, но вдруг...

«Но вдруг...» – пронеслось в голове у Кассандры, и девочка зажмурилась. Вдруг все-таки это можно обойти, она сможет уехать отсюда, встретит хорошего человека, выйдет за него замуж. Ей будет приятно заботиться о нем, готовить ему блинчики по утрам. Возможно такое? Девочка наморщила свой маленький носик и попыталась представить. Сейчас в ее еще неокрепшем детском мозгу не было никаких поддерживающих эту теорию мыслей. Но вдруг...

– Вдруг... – вслух произнесла Кассандра и задумчиво пошла прочь от храпящей массы, изрыгающей тошнотворный запах рвоты и алкоголя.

Норма Дэринг дочь явно не ждала. Открыв дверь и пройдя в узкий коридор в сторону кухни, девочка остановилась, услышав звуки, доносящиеся оттуда – не что иное, как «акт любви». Хмыкнув, она на цыпочках прошмыгнула в свою комнату и подставила стул к дверной ручке. Она всегда так делала, чтобы никто не вошел без разрешения, особенно отчим, когда был пьян. Он ее никогда не обижал, но мать сама настаивала на этом.

Присев на кровать, так и не застеленную с самого утра, а скорее всего, с позапрошлой недели, когда в их доме меняли белье, Кассандра задумалась. Ей не хотелось оставаться здесь надолго, несмотря на то что увидеть мать было на удивление приятно. Что ни говори, но, видимо, она ее любила и доказала это в те сложные несколько недель, пока та умирала.

«Что же мне делать?» – девочка выпятила нижнюю губу и прищурила глаза. Так думалось хорошо. А еще – вслух.

– Мне нужно опровергнуть эту мысль. Но как...

Детским мозгам не давалась такая сложная мыслительная деятельность; даже несмотря на взрослые воспоминания, от этого процесс шел туго. Примерно спустя полчаса, когда мимо ее комнаты прошлепали босые ноги отчима, удаляющегося в их спальню, девочка наконец приняла решение. Ей нужно поехать в другую часть города, где стоят дорогие дома. Там уж точно совсем другая жизнь и даже, может быть, найдутся люди, кого можно будет назвать принцами и принцессами из сказки. Она видела таких по телевидению, о них писали в книгах и журналах, но, видимо, этого было недостаточно для того, чтобы поверить в их существование в ее, Кассандры Дэринг, реальности.

Посмотрев на часы, она поняла, что уже, конечно, слишком поздно. Сегодня ей не удастся попасть аж на другой конец города и успеть вернуться до темноты, тем более учитывая то, что денег взять неоткуда, а следовательно, нужно было идти пешком.

Девочка нервно сглотнула, представив, какой ей предстоит проделать путь, и тут же решила про себя, что совсем не будет считаться таким уж серьезным проступком украсть несколько монет из штанов отчима, которые он вечно разбрасывал по ванной комнате. Главное, найти повод туда попасть. Но это не проблема. Хватит и одной упаковки совсем новеньких красок, которые должны лежать в верхнем ящике стола.

Она вскочила с кровати, подвернув правую ногу и ойкнув, и быстрым движением рванула на себя круглую прохладную ручку. Да, она не ошиблась. Краски были на месте, а значит, и путь в родительскую ванную был обеспечен. Оставалось уповать на то, что Джонатан Росс не изменит своим привычкам и не уберет наконец все по местам: одежду в шкаф, а деньги в кошелек.

Кассандра аккуратно, высунув от напряжения кончик языка, раскрутила первый тюбик и сразу отпрянула – запах был такой сильный, какой может быть только у дешевой краски, явно не предназначенной для детей. Пожав плечами и вздохнув, девочка начала намазывать мягкую субстанцию на руки и ноги, стараясь не запачкать одежду. На пятом тюбике она поняла, что это была бесполезная затея, и перестала осторожничать.

Через пятнадцать минут красно-сине-зелено-черно-желтое нечто появилось на пороге кухни, где Норма Дэринг пила вечерний чай с огромным куском торта с жирным масляным кремом такой едкой расцветки, что девочку чуть не вырвало. Это, несомненно, дополнило бы ее и без того устрашающий вид.

– Ты... ты что натворила? – ложка с очередным куском торта замерла у самого рта Нормы Дэринг. Оглядев дочь с ног до головы, она грустно вздохнула и покачала головой. Ругаться не было ни сил, ни желания, да и смысла в этом тоже было немного. – Иди мойся.

– Там... Джонатан.

– А, ну да... – мать неохотно положила ложку рядом с тарелкой, испачкав старую скатерть кремом, но даже не заметила этого.

Она проводила дочь через их с мужем спальню в ванную комнату, вяло махнула рукой, когда Джонатан Росс заржал над увиденным, и оставила девочку одну отмываться от этого красно-сине-зелено-черно-желтого безумия.

Кассандра первым делом огляделась по сторонам и увидела не одну, а целых три пары брюк, небрежно скомканных в углу ванной комнаты за унитазом. Скорее всего, хозяин про них вспомнит, когда уже кроме последней пары чистых трусов не останется ничего другого, и тогда Норме Дэринг не поздоровится. Заплясав от предвкушения, девочка было дернулась схватить первые брюки, когда вспомнила о том, что ее руки измазаны краской, а оставлять следы своего маленького преступления было ни в коем случае нельзя.

Наспех помывшись – благо, краски были водорастворимыми, что девочка даже не удосужилась проверить перед тем, как измазаться ими с ног до головы, – Кассандра вытерлась старым некогда махровым полотенцем и наконец-то подбежала к валяющейся грудке тряпья. И с первой же попытки – удача! Несколько монет завалилось в правый кармане брюк.

Прошмыгнув в свою комнату, не попавшись на глаза отчиму, отвернувшемуся к стене и захрапавшему, Кассандра запрыгнула на кровать и растянулась на ней в полный рост. Ее губы расплылись в улыбке, а глаза зажмурились от удовольствия, предвкушая завтрашнюю поездку на другой конец города.

«Я вырвусь отсюда, я вырвусь отсюда, я вырвусь отсюда, – мелькало у нее в голове. – И это будет настоящая сказка».

С этими мыслями, перевозбудившись от событий дня, маленькая Кассандра уснула, даже забыв подпереть дверь стулом. Повезло, что в тот день Джонатан Росс был, во-первых, трезв, а во-вторых, удовлетворен своей женой прямо там, на кухне, где потом она до ночи сидела одна в темноте, ела отвратительный торт с масляным кремом и смотрела в темноту на улице, как будто одним глазком стараясь подсмотреть свое будущее.

***

Кассандра, засыпая на ходу, держалась за на удивление холодный поручень в автобусе и тряслась в такт его движению.

Утром она наспех собралась, еле влезла в самое красивое платье, которое уже стало чуть мало, и выбежала из дома, даже не удосужившись предупредить мать о своих планах на день. Да и не могла она этого сделать – узнай Норма Дэринг о ее желании поехать на другой конец города, девочке несдобровать. И не потому, что кто-то будет переживать за нее, такую маленькую, в таком большом и, возможно, опасном районе. Нет. Попало бы Кассандре за кражу нескольких монет из карманов Джонатана Росса.

– Девочка, а ты что, одна? – незнакомая женщина уже давно смотрела на нее подозрительно, пытаясь понять, с кем едет ребенок, слишком маленький для того, чтобы путешествовать в одиночку. Хорошо еще, что Кассандра была достаточно высокая для своего возраста и на шесть лет точно не выглядела.

– Почему одна? – Кассандра постаралась сыграть удивление и показала маленьким пальчиком вперед. Она давно заметила чуть вдалеке женщину, которая сейчас спала у окна метрах в двух от нее. – Вон, моя мама просто спит.

– Да? – протянула женщина, явно не поверив в эту историю. – А почему ты не с ней рядом?

– Там тесно, – девочка улыбнулась, обнажив ряд мелких желтоватых зубов. – А тут просторно. И никто не ходит, потому что тут двери не открываются. – Автобус приехал к следующей остановке и открыл передние двери. – Видите? Поэтому тут и людей меньше. Мы в кино едем. А вы?

Женщина поджала губы и отвернулась. Интерес к этой незнакомой девочке тут же угас, когда она поняла, что не получится посудачить об удивительном спасении маленькой беглянки со своими подругами. Хотя... Кто ей мешал соврать? Подумав об этом, она заулыбалась и прикрыла глаза. Ехать было еще долго.

Всю оставшуюся дорогу до элитного квартала Кассандра стояла в напряжении. Ей с трудом дался этот разговор, а ведь не факт, что он будет сегодня последний – маленькие девочки не должны быть одни. Ни в автобусе, ни на улице.

Доехав до места и соскочив с высокой подножки старого «фольксвагена», Кассандра оцепенела. Девочка открыла рот и широко распахнула ярко-голубые глаза, удачно подчеркнутые платьем, – ей показалось, что она попала в сказку. Вдоль дороги тянулась череда домов, которые раньше она видела только в телепередачах, транслируемых по вечно включенному маленькому старому телевизору.

– Эй, девочка, тебе куда? – мужчина, вышедший из автобуса за Кассандрой и уже собиравшийся пройти мимо, остановился.

– Я... я иду в гости, – сглотнув подступивший к горлу комок, прошептала девочка.

– Проводить? Ты, наверное, тут первый раз? А где твоя мама? – мужчина оглядывался по сторонам и хмурился.

– Она не поехала со мной – слишком далеко. Посадила меня на автобус и попросила водителя присмотреть за мной. А тут меня должны встретить родители подружки и проводить до их дома. Вы не волнуйтесь. Я их тут подожду, наверное, приехала раньше. Я боюсь потеряться, поэтому не убегу никуда. Не переживайте!

Мужчина прищурился, посмотрел на девочку, явно оценив ее наряд как не самый подходящий для праздников, которые обычно устраивали в этом районе, пожал плечами, развернулся и пошел прочь.

Кассандра подождала, пока он скроется за поворотом, а когда он напоследок обернулся на нее – помахала ему вслед и, закатив глаза и взвизгнув от восторга, побежала в противоположную сторону.

Район выглядел действительно потрясающе. Дома были в основном двухэтажные, но попадались и настоящие исполины, поражающие не только высотой, но и шириной. Маленькие и большие сады или даже одинокие клумбы благоухали цветами всевозможных расцветок, от чего над ними копошились маленькие бабочки – синие и желтые.

Девочке казалось, что она попала в сказку, и при одной мысли об этом у нее приятно сжалось сердце.

Потеряв счет времени, Кассандра уходила все дальше и дальше от остановки автобуса, не уставая вращать головой по сторонам, пока не услышала вдалеке детские крики. Сердце запрыгало от предвкушения. Если ей еще и повезет увидеть хоть одним глазком чей-то день рождения, она точно поверит в волшебство.

Так и есть. Пробежав метров триста, девочка увидела большую поляну перед огромным бледно-бежевым домом, полностью уставленную столами, надувными батутами, качелями и бассейнами с мягкими шариками. Вокруг копошились около двадцати детей. Кассандре пока-

залось, что этот визг и беготня должны вызвать гнев и раздражение у группки взрослых, которые устроились в тени большого дерева за простым деревянным столом и поглядывали постоянно на эту мельтешащую кучу малю. Но нет, они как будто, напротив, наслаждались этим наивным счастьем и смехом, вспоминая и свое такое же яркое детство.

Кассандра замерла. Ей до ужаса захотелось присоединиться к этой компании, а еще больше – почувствовать эту заботу и радость родителей, которыми ее никто и никогда не баловал.

– Эй, малышка, – невысокого роста худая женщина в сером спортивном костюме подошла к ней так, что Кассандра и не заметила, увлекшись своими мыслями, а потому напугалась и отшатнулась. – Не бойся. Ты откуда здесь? Ты на праздник? А где твои родители?

– Я... я просто проходила мимо, – грустно опустила голову Кассандра. Врать и притворяться, что ее кто-то сюда звал, она не хотела.

– Ах вот что. Твоя мама знает, где ты?

– Да, – соврала девочка и покраснела. – Ну то есть... Она знает, что я ушла гулять.

– Понятно, – женщина скрестила руки на груди и наклонила голову к правому плечу. – И что же нам с тобой делать?

– Ничего, – насупилась Кассандра, – Я уже самостоятельная. Я найду дорогу домой.

– Не обижайся, – отреагировала незнакомка таким приятным смехом, что девочка невольно залюбовалась ею. – Если мама не будет тебя искать, ты можешь пройти и поиграть с детьми. Мы скоро вынесем торт, но там на столах уже много всего вкусного. Хочешь?

Кассандре показалось, что она ослышалась. Как минимум добрые феи в жизни бывают. Теперь она в этом убедилась.

Девочка огляделась по сторонам, начала переступать с ноги на ногу, но в итоге, конечно, не смогла устоять и кинулась к другим детям, смешно размахивая длинными руками.

– Пливет! – мальчик, очевидно младше Кассандры, смотрел на нее с любопытством. – Я плинес тебе толт. Будешь?

Мальчик улыбался, абсолютно искренне, как это могут только маленькие дети, еще не знакомые с основами социального неравенства и даже не умеющие распознать в случайной гостье человека не своего круга.

Девочка улыбнулась ему в ответ, взяла пластиковую тарелку с разноцветными шарами на дне. Она, уже наскочившая на батуте с одной из девочек с такими же рыжими волосами, как и у нее самой, – кто выше прыгнет, отдыхала в тени дерева и наблюдала за столом, где сидели взрослые. Ей было непривычно видеть, с какой обходительностью мужчины разливали женщинам какие-то напитки из блестящих графинов, а если кто-то начинал вздрагивать от холода, подавали мягкие пледы, лежащие тут же, недалеко от их стола.

– Я Майк, – улыбнулся мальчик, обнажив дыру от недостающих сверху пары зубов.

Не успела Кассандра поблагодарить мальчика и представиться, как подбежал второй, чуть старше, но такой же светловолосый и тощий.

– Марк! Побежали, сейчас будет фокусник! – переведя взгляд на незнакомку, он осекся и с любопытством начал ее разглядывать. Совсем как его младший брат только что. – Я Ник, – представился он, наклонив в задумчивости голову к правому плечу. – Пойдешь с нами?

Кассандра улыбнулась и истово закивала головой. Конечно, она пойдет посмотреть на фокусника!

Подскочив на ноги, она отряхнула платье, к которому прилипли несколько травинков, и побежала вслед за ребятами за угол дома, где были расставлены маленькие стулья и валялись подушки, чтобы на них можно было сесть тем, кому не хватило места.

Недолго думая, Кассандра плюхнулась на ярко-розовую подушку и стала вертеть головой по сторонам, рассматривая собравшихся. Детей было много, и всех их объединяло, кажется, одно – они выросли в семьях, ни в чем не нуждающихся, а потому не успели еще узнать правду

о суровой реальности. Они весело смеялись, общаясь между собой, даже и не думали поспорить из-за того, кто куда хочет сесть, не кривились в обиду и не бежали в слезах жаловаться родителям. Ах, как это было не похоже на редкие детские праздники у них школе. Там нужно было чуть ли не драться за место, а о том, чтобы так свободно общаться, вообще не могло быть и речи – дети из бедных районов были настороженны и недоверчивы к людям. Больше, чем даже их родители.

– Тебя как зовут? – Ник, белокурый долговязый мальчик, завалился на подушку рядом с ней и чуть не промахнулся, от чего начал громко смеяться, заражая своим смехом всех вокруг.

– Кассандра, – она редко играла с мальчишками – в их школе они презирали девчонок и сторонились друг друга.

– Ясно, – Ник поискал глазами младшего брата, увидел его на другой стороне от импровизированной сцены и помахал рукой. Марк ответил широкой улыбкой.

Она ковыряла ложкой вкуснейший в ее жизни торт и украдкой смотрела на своего случайного соседа, стараясь лучше разглядеть этого мальчика, который казался абсолютно обычным, ничем не примечательным, если не считать родинки слева над верхней губой, а он разглядывал ее.

– Мне кажется, ты не похожа на других девочек, – наконец вынес вердикт мальчик.

Кассандра вспыхнула. Можно ли считать, что он назвал ее красивой? Сама она себя такой называла только в мыслях, даже боясь сказать это вслух за закрытой дверью своей комнаты с приставленным к ручке стулом.

Воспоминания о доме омрачили ее настроение. Как ни крути, но ей придется возвращаться из этой случайной сказки туда, где живет вечно пьяный Джонатан Росс, где мать печет отвратительные комочки теста, называемые блинчиками, на завтрак, и где никто не предлагает ей кусок торта.

– У тебя очень взрослые глаза, – продолжал Ник, прищуриваясь и наклоняясь еще ближе, заглядывая ей в лицо. – И ты грустишь... Ты не отсюда, да? Мне уже восемь, я не дурак.

Кассандра помотала головой и подцепила кусок нежнейшего крема и ягоду свежей малины. Блаженство.

– А мне шесть, кажется, – улыбнулась она.

– Кажется? Так не бывает! – засмеялся мальчик.

– Бывает, – улыбнулась она снова, – но я не буду тебе говорить, почему. Ты мне все равно не поверишь.

Кассандра задумалась. Мысли отнесли ее обратно в свое будущее, к затуманенному дыханием стеклу, к дому напротив, где прятались такие же неудачники, как она сама, перебивающиеся случайными заработками, а то и вовсе живущие на одно лишь пособие по безработице. Без преувеличений можно было бы назвать ее жизнь бесполезным существованием, если бы не одна авантюра, в которую она ввязалась, когда...

– Поверю, – Кассандра вздрогнула, смотря на Ника. Он нахмурился и даже сел ровнее, чтобы доказать свою решимость выслушать откровения девочки.

– Ты знаешь, что мы можем путешествовать во времени? – сама не зная почему, выпалила она и тут же прикусила губу так сильно, что на белый крем упала капелька крови. – Ой.

– Что? – Ник все-таки не смог сдержаться и засмеялся. – Так не бывает!

– Ну видишь, я же тебе говорила, – девочка прижала кончик языка к ранке на губе, поэтому разобрать, что она сказала, было непросто. Но Ник понял.

– Извини, извини. И... ты прилетела из прошлого? Или из будущего?

– Я не прилетела, – теперь был черед смеяться Кассандре. – Хотя я очень люблю птиц и хотела бы летать, как они... Я... как будто вернулась в свое прошлое. Понимаешь?

– Нет, – честно признался Ник и начал вертеть головой по сторонам. Было видно, что ему становится неинтересно слушать эту странную девочку, одетую в совсем старое платье, из которого она выросла.

– На самом деле я уже была взрослая, и вот вернулась в свои шесть лет. Мне кажется, что шесть, но я не уверена, – Кассандра наморщила лобик и выпятила нижнюю губу, чем опять рассмешила Ника.

– Я верю тебе, – просмеявшись, наконец ответил мальчик.

– Правда? – девочка просияла и почувствовала, как быстро забилося сердце. Она не могла сама сказать, почему ей вдруг пришло в голову открываться перед этим незнакомцем. То ли ради эксперимента, то ли от осознания, что никогда его больше не встретит.

– Конечно, – кивнул Ник и наклонился к ней ближе. – И какое оно, будущее?

– Я не помню, – призналась Кассандра. – Точнее, я помню какие-то отрывки. Знаешь, такое ощущение, что как раз наоборот – я заглянула ненадолго в свое будущее, а теперь вернулась в настоящее.

– Как странно, – задумчиво протянул Ник. – А зачем ты... путешествуешь?

– Я не уверена... – девочка начала вертеть головой по сторонам, словно ища ответ. – Мне кажется, это как-то связано с нашими мыслями.

– Мыслями? – удивился мальчик.

– То, во что мы верим, определяет нашу дальнейшую жизнь, – после небольшой паузы выпалила Кассандра и выдохнула. Эта фраза далась ей нелегко.

Девочка помолчала, глядя куда-то мимо сидящего рядом с ней мальчика, а потом наклонилась и стала что-то шептать ему на ухо, чуть заметно шевеля губами.

Ник слушал, коротко кивал, а потом еще несколько секунд молча рассматривал ее, улыбка и убежал.

Она удивленно смотрела ему вслед, и вдруг кольнуло предчувствие, что ее обманули, над ней посмеялись. Что на самом деле Ник ей не поверил, а сейчас побежит рассказать всем вокруг, и они будут смеяться над ней.

Уже собираясь встать и поскорее убежать отсюда, девочка поставила тарелку рядом с креслом и вытерла губы, испачканные кремом. Нижняя губа болела, и Кассандра аккуратно потрогала ее языком.

– Держи.

Кассандра удивленно посмотрела вверх. Ник протягивал ей тарелку с тортом и пластиковый стакан с вишневым соком.

– Спасибо, – прошептала девочка и покраснела. Ей стало стыдно за свои мысли об этом мальчике, которого она без причин обвинила, пусть даже только у себя в голове.

– Пожалуйста, – Ник уже опять устраивался на подушке. – Я заметил, что у тебя закончился торт, и решил принести еще. Он вкусный.

– Да, – так же тихо ответила девочка.

Ник какое-то время смотрел на нее с улыбкой, наблюдая, как аккуратно она смазывает с бисквитных коржей крем и отправляет ложка за ложкой себе в рот, а потом наклонился к ней ближе и прошептал:

– Не бойся, я никому ничего не скажу. Это секрет. Договорились? – Кассандра благодарно кивнула и отпила глоток сока. – И, знаешь, я тоже люблю птиц.

Она хотела поблагодарить его в ответ, сказать что-то важное и нужное, но ее слова потонули в музыке, доносящейся из динамиков, расположенных по обе стороны от импровизированной сцены. Сейчас выйдет фокусник!

***

– Ну и где ты была? – Норма Дэринг вяло мешала ложкой уже остывший давно чай и смотрела в окно.

– Мам, извини. Я заигралась с ребятами.

Кассандра вернулась домой, когда уже начало садиться солнце. Она задержалась на празднике, не решаясь расстаться с жизнью, которой раньше не знала. И лишь когда за детьми стали один за другим приходить их родители, девочка, не говоря никому ни слова, убежала на автобусную остановку, оглядываясь, чтобы никто не попытался ее догнать. Не никто, а Ник.

Они с ним смотрели выступление фокусника, ели торт, а потом он долго рассказывал какую-то удивительно интересную историю из книги, прочитанную им на днях. Она была про пиратов, которые охотились за сокровищами и похищали прекрасных принцесс. Но они были благородными пиратами, поэтому никого не обижали, а скорее наоборот. Как это, «наоборот», Кассандра так и не поняла. То ли потому, что ее неокрепший мозг не смог связать образ оголтелых пиратов с благородными девицами, то ли Ник сам толком не понял суть истории, а потому рассказывал ее путанно, как сам запомнил.

– Надо договориться с Ланой, чтобы она каждый день за тобой присматривала, – равнодушно протянула Норма, так и не обернувшись к дочери.

Кассандра, ничего не ответив, на цыпочках прокралась в свою комнату и приставила стул к двери. Ей хотелось взять старую тетрадку, в которой она училась писать, и вылить в нее события сегодняшнего дня. Ей казалось, что это самое важное сейчас, потому что боялась забыть хоть секундочку из этого прекрасного дня. Решится ли она когда-нибудь на такой поступок еще раз? Она не знала. А потому это должно запомниться в каждой неважной мелочи, в каждом ее вздохе, в каждом движении руки, чтобы никогда-никогда она не смогла больше разувериться в том, что сказки бывают. А если так, она в нее обязательно попадет.

Покусав ручку, смотря на свои записи, Кассандра вздохнула и вывела еще несколько слов. Она не должна их забыть. Никогда.

Жизнь 2. Одиночество

Кассандра проснулась от яркого света и зажмурилась. Сколько времени? Почему не прозвенел будильник?

Схватив с прикроватной тумбочки телефон, девушка увидела на часах 7:02, откинулась обратно на подушки и закрыла глаза. Время еще есть.

Вдруг ее пронзило странное ощущение. Не решаясь открыть глаза, она пошевелила руками и ногами – точно, это явно была не ее постель. Этот матрас был гораздо жестче и ровнее, а одеяло очень тяжелым. Она читала про такое в каком-то журнале, описывающем его чудесные свойства, но сама никогда бы не позволила себе такую роскошь. Она повела зрачками, все еще не решаясь открыть глаза, и повертела головой – подушка тоже не ее. Эта, мягкая и в то же время упругая, в точности повторяла движение ее головы.

Зажмурившись сильно-сильно, Кассандра на секунду задержала дыхание, а потом открыла глаза.

Абсолютно белый матовый потолок никак не вписывался в ее квартиру, не знавшую ремонта с момента постройки дома.

– Что за... – пробурчала девушка и села на кровати, чтобы оглядеться по сторонам.

Да, это определено не ее квартира. Более того, она теперь была уверена, что это был и не ее город и, возможно, не ее страна, так как за огромными окнами во всю стену неторопливо покачивались пальмовые листья, а где-то вдаль виднелось море.

Сама комната была светлая и просторная, без нагромождения старой полуразваленной мебели. Белая кровать, белые прикроватные тумбочки и шкаф, декорированный деревянными панелями – очень красивый!

Кассандра подскочила с кровати и подбежала к шкафу, чтобы потрогать – не мерещится ли ей все это? Но нет. И шкаф, и деревянные панели, и даже куча красивой женской одежды – все было настоящее.

– Ничего не понимаю.

Наморщив лоб, девушка подошла к окну. Так и есть – это не мог быть ее северный город, в котором на ближайшую неделю объявили проливные дожди. Здесь на улице светило солнце, отражаясь на лазурных волнах, перекатывающихся по бесконечной глади и рассыпающихся белым воздушным зефиром по светло-желтой крошке песка.

Потрогав пальцами стекло, уже нагретое лучами, Кассандра прислонилась к нему лбом и выдохнула, оставив размытое затуманенное пятно. И сразу все вспомнила.

Вспомнила, как сидела на колченогой табуретке, как отловила мысль о том, что она навсегда застряла в этой дерьмовой жизни, как записала ее, как увидела свое отражение в зеркале, кривляющееся от боли, которую приносила эта мысль, и как потом попала в свое прошлое, в свои шесть лет.

Вспомнила она и все, что случилось с ней после.

Сразу же, как пошла в школу, Кассандра много училась, запоем глотая книгу за книгой. За ее старания девочку начали отправлять сначала на районные олимпиады, а потом и на городские. Но по-настоящему изменилась ее жизнь после того, как она выиграла Всемирный конкурс молодых биологов, и ее позвали учиться в академию биологических наук.

Мать, вопреки опасениям Кассандры, палки в колеса ставить не стала и подписала разрешение отпустить дочь на полный пансион в другую страну, хотя Джонатан Росс пытался было сопротивляться, доведя разборки до синяка в половину лица своей жены. Но это не остановило Норму Дэринг, привыкшую к побоям еще от своего отца.

Уже в четырнадцать лет она переехала на побережье, где жили такие же одаренные и любящие живую природу дети. Практически все были ее возраста или максимум старше на четыре года – именно столько времени нужно было отучиться, чтобы поступить дальше в университет.

Эти четыре года были незабываемы – они много путешествовали по разным пляжам, городам и заповедникам, изучали все разнообразие птиц и животных, которым славилась местная фауна.

Вспомнилось и как первый раз она увидела лазурное море. Оно было таким, как она себе его представляла, часами пялясь в очередной журнал с фотографиями, и даже намного лучше. Оно было живым, и мелкая рябь, и волны, и белая кучерявая, совсем как сама Кассандра, пена, манили девушку к себе, обещая спрятать от всего этого безумного мира, в котором она жила все эти годы. Она чуть было не поддалась порыву и не выпала из открытого окна автобуса, но тут огромный серо-белый пеликан, сидевший чуть справа от нее на выступающем из воды бревне, взлетел в небо, расправив широко свои огромные крылья, и девушка так сильно завизжала от восторга, что водитель со страху затормозил, и вся детвора, воспользовавшись возможностью, вылетела на улицу и побежала по песку, пугая жирных желтоклювых чаек и прыгая в попытке схватить их за перепончатые лапы. Один раз у нее это почти получилось.

От воспоминания о том дне, таком ярком, как будто она вернулась в свои четырнадцать лет, Кассандра радостно засмеялась и вдруг подумала еще об одном.

Она же и сейчас была известным биологом, посвятившим свою профессиональную жизнь изучению птиц. Вместе со съемочной командой они ездили по разным странам и снимали ролики для одного крупного канала, и сейчас как раз самая пора была расслабиться – они только-только вернулись из очередной поездки, материал из которой еще будут пару месяцев обрабатывать, а потом запускать в эфир, так что три-четыре месяца Кассандра и вся ее группа отдыхали.

Ей нравились люди, с которыми она работала, только за то, что они не навязывали свое общение, и как только сходили с трапа самолета, все рассыпались кто куда в надежде смыть с себя эти долгие месяцы полукочевой жизни и насладиться дарами цивилизации.

А наслаждаться было чем. Несмотря на все большую социальную дистанцию между людьми, перегруженными личными заботами и разделенными друг от друга экранами мобильных телефонов, все население стремилось улучшить свою жизнь, создавая новый уровень комфорта. В их век, в этой богатой на солнечные лучи и добрых соседей стране большинству людей не нужно было переживать за то, что кто-то будет умирать с голоду – жить можно было круглый год хоть на пляже, а нашествие туристов помогало им зарабатывать. А что еще нужно человеку, живущему в раю? Наверное, чуть более совершенный рай с выстриженными газонами, минимальной преступностью, чистыми парковыми зонами и повальным увлечением бегом.

Скрестив пальцы в замок и вскинув руки вверх, Кассандра потянулась и пошла в ванную комнату – вспомнив про бег, ей захотелось умыться и выйти на улицу, пока не стало слишком жарко.

Бежалось легко. Ее тренированное тело скользило в соленом морском воздухе, продвигаясь все дальше вдоль по побережью. Кое-где уже начали выходить рыбаки на своих маленьких лодках – к обеду в местных рестораниках будут подавать свежую рыбу с долькой лимона и большой порцией свежесорванных овощей с одной из местных ферм. Редкие парочки туристов томно бродили по еще прохладному песку, а одна девушка с визгом бросилась в холодное утреннее море, то погружаясь в него головой, то выныривая под аккомпанемент мириады брызг.

Местные жители с улыбками смотрели на отдыхающих и лениво распаковывали доски для серфинга, оборудование для дайвинга и электронные самокаты, пользовавшиеся большой популярностью наряду с более быстрыми мопедами. Они снимают эту улыбку с лица, как только

вернутся домой, но сейчас, когда речь шла о зарработке, привычные лживые гримасы были скорее необходимостью.

Добежав до местной лавки, торговавшей полезной и здоровой едой, Кассандра заказала на вынос огромную коробку салата из зелени, кедровых орешков, клубники и утиной грудки, огляделась по сторонам, с удовольствием вдохнула свежий морской воздух, еще не пропитанный утренними пробками. Торговец улыбался, предлагая ей захватить еще и обед, и она с такой же фальшивой улыбкой врала ему про то, что приглашена к друзьям, которых на самом деле у нее никогда не было.

Отвернувшись спиной и наконец расслабив затекшие щеки, девушка уставилась вдаль. Прямая желтая полоса песка отделяла ее от моря, и вдруг пришедшая в голову мысль толкнула Кассандру вперед. Совсем как тогда, в автобусе, в ее четырнадцать лет.

Девушка перепрыгнула через узкую полосу газона, быстрым шагом прошла до того места, где волны гладко вылизали взъерошенный людьми пляж, сняла кроссовки и, как была в спортивной форме, зашла в воду и тут же нырнула с головой.

Звуки померкли. Кроме шепота моря, сплетничающего с песком о каких-то им одним ведомых вопросах мироздания, был только стук ее сердца, чуть ускоренный, подталкиваемый желанием тела согреться. Больше не было ничего – ни прошлого, ни будущего, ни проблем, ни желаний, – только эта чуть прохладная обволакивающая вода и совсем немного воздуха в легких. Еще чуть-чуть. Потерпеть.

Вынырнув на поверхность, Кассандра минуты три смотрела вперед, в темно-синюю морскую гладь, а потом развернулась и поплыла назад.

Подхватив кроссовки, девушка забрала свой салат у торговца с застывшей приветливой гримасой и не спеша побрела домой. Она по-новому ощущала это место, как будто не жила тут последние десять лет, переехав сразу после университета. Не было ощущения чего-то незнакомого, скорее она как будто вернулась домой в самое родное место после долгих-долгих лет странствий.

Где-то на границе сознания и бессознательного крутились воспоминания из ее прошлой жизни – безрадостной и несчастной. Помнилась больная мать, помнились жуткие неотремонтированные стены старой маленькой квартиры, которую она снимала, отдавая почти всю свою жалкую зарплату, помнилось отчаянное чувство одиночества, раздирающее ее постоянно, не важно, была она среди людей или одна. А еще безысходность. Ее Кассандра помнила лучше всего. И если морская вода давала наслаждение от мысли о том, что будущего нет, есть только настоящее, то единственная жидкость, спасавшая ее тогда – виски со льдом – не приносила ничего, кроме желания поскорее досмотреть этот фильм, в котором она, по несчастью, играла главную роль.

Помотав головой, Кассандра попыталась отмахнуться от накативших воспоминаний. Теплилась надежда на то, что она все же забудет об этом, пусть будет непросто, пусть пройдет какое-то время. Ей нужно научиться думать по-другому, чтобы та, старая жизнь, не путала ее мысли.

– Надеюсь, скоро они сотрутся... Надеюсь... – пробормотала она и зажмурилась.

Зайдя в квартиру, Кассандра кинула дорогие беговые кроссовки в угол и, снимая на ходу все еще мокрые узкие шорты, футболку и носки, и ушла в ванную, чтобы смыть с себя соленое море. Упругие холодные струи били по ее разгоряченному от пробежки и солнца телу, постепенно смывая и прошлые воспоминания.

Но одно было таким сильным, что девушка не смогла вспомнить, когда проживала его – в этой жизни или в той, другой. В ее голове всплыла картинка, как они единственный раз в жизни выезжали на их холодное море с матерью и отчимом. Кассандра, еще очень маленькая, не старше восьми лет, как заведенная бегала по пляжу с грязно-коричневым песком и собирала мелкие ракушки и камешки – она хотела привезти их домой и положить в красивую

стеклянную баночку из-под варенья, отмытую ею до блеска и припрятанную на такой вот случай. Отчим и мать сидели на берегу, на старом кривом стволе дерева, и нервно курили. Им не нравилось ничего вокруг, а тем более тот, кто сидел рядом. Они оба даже не понимали, почему согласились на уговоры маленькой рыжеволосой девочки, с визгом носившейся то в одну, то в другую сторону вдоль волн, забегающую на более теплое мелководье и с криками кидающуюся обратно на берег – даже там вода была слишком холодной. А еще было очень страшно смотреть, как волны, накатываясь на берег, утаскивают в пучину старую морскую капусту, разбросанную по берегу.

В тот самый день по дороге домой они заехали на ближайшую реку, чтобы девочка могла помыться от соленой воды – греть для нее воду дома никто не собирался, хоть тут, казалось, она еще холоднее. Но Кассандра была не против. Она предпочитала не замечать ни хмурого лица матери, ни напряженно гуляющих желваков Джонатана Росса. Хотя бы один день она хотела себе позволить быть просто ребенком, удивленным и неиспорченным, не познавшим той жестокости, которой могли наградить только очень несчастные взрослые.

И теперь, стоя под струями холодной воды и вспоминая тот день, девушка инстинктивно потянулась к переключателю и медленно-медленно отвела его почти на максимум вправо. Вода становилась все теплее и теплее, пока не превратилась почти в кипяток. Нет больше грязного берега, усыпанного затхлой морской капустой, нет ледяного моря, напоминавшего сильно разведенное какао, нет ледяной мутной реки.

Да, уже почти прошло. Уже почти забылось...

***

Кассандра сидела на кухне и потягивала остывший чай, когда в дверь позвонили. Взглянув на часы, девушка удивилась – было уже почти десять часов вечера, и она никого не ждала. Вроде бы...

– Касс, открывай! Я на пять минут!

Кассандра открыла дверь и увидела соседку с огромной коробкой торта в руках. Она знала ее по редким вечерним прогулкам до пляжа.

Нэтэли Бьорн жила бурной социальной жизнью, не ограничивая себя в количестве постоянно сменяющихся партнеров, а потому иногда ей требовалось выговориться о наболевшем. Тогда они не спеша прогуливались по берегу моря, Кассандра молчала и кивала, иногда выдавливая из себя «Угу» или «Ого». Она не любила общение в те редкие месяцы, проводимые дома, – ей вполне хватало трепа съемочной группы и многочисленных дублей для удачного кадра. Нэтэли же, напротив, не умолкала ни на минуту, умудряясь познакомиться с любым первым встречным.

Взглянув на коробку с тортом, в голове у девушка вдруг зашевелилась какая-то мысль, но тут же пропала.

– Как ты долго! Спишь уже что ли? – Нэтэли залетела в большую комнату, сочетающую в себе гостиную, кухню и столовую.

Кассандра жила в просторной студии с одной выделенной спальней и маленькой ванной комнатой. Сразу за входной дверью была крошечная прихожая с низкой тумбочкой для обуви и узким шкафом для верхней одежды, в котором никогда ничего не висело – в их климате никто не ходил в верхней одежде. Откуда там взялся это шкаф, так и осталось для девушки тайной. Сразу из прихожей открывалась огромная, на семьдесят квадратов комната – гостиная, кухня и столовая в одном. Справа вдоль стены расположился кухонный гарнитур с барной стойкой и длинный обеденный стол, которым никто никогда не пользовался – гостей хозяйка

не жаловала, а самой есть здесь ей было как-то не по себе, и она предпочитала забираться с ногами на диван, придвигать маленький столик, и тарашиться в планшет, смотря очередной сериал.

Большую часть комнаты занимала мягкая зона – П-образный бежевый диван и куча разбросанных подушек для сидения на полу.

– Не сплю. Вот, чай пью... – Кассандра кивнула на чашку, которую держала двумя руками.

– Чай, – скривилась Нэтали и подозрительно покосилась на соседку. – Ты еще себе воды налей! Пятница же!

– И что? – ухмыльнулась хозяйка квартиры и скрестила руки на груди, так и оставшись стоять в прихожей – пройди она в комнату, и соседку будет уже не остановить и не выгнать.

– Что, что... Вот тебе сколько лет? – не дожидаясь ответа, Нэтали продолжила тараторить. – Мне вот уже тридцать три! Годы летят, подружка! Так и останешься одна. Что в старости-то будешь делать?

– Мне и одной хорошо, – задумчиво пожала плечами Кассандра. Ей опять в голову пришла какая-то мысль, но испугалась и сбежала от натиска неугомонной соседки. – Ты чего хотела?

– Смотри, – Нэтали поставила наконец-то коробку на стол и открыла ее. В ней, как и ожидалось, был красивый торт.

«Точно! – вспомнила девушка. – У меня же день рождения!»

– Нэтали, не нужно было... – начала было Кассандра, краснея скорее от смущения – она совершенно не умела реагировать на чужое внимание, – чем от удовольствия, но ее прервали.

– Думаешь, перестаралась? Я его готовила три дня. Представляешь? Коржи, оказывается, должны пропитаться! А украшения! Даже не спрашивай, чего мне стоило все это на него нанести. Но не зря же я художник. Красиво?

– Красиво, – призналась Кассандра, разглядывая тонкие узоры на толстом слое, видимо, творожного крема. Как она любила.

– Думаешь, ему не понравится? – неуверенно посмотрела на торт Нэтали и скривила нос. – Точно, не понравится...

– Ему? – удивилась ее соседка.

– Ну Дэвид. Помнишь, я тебе рассказывала? Или... ты когда вернулась? – Нэтали нахмурила брови, пытаясь собрать в памяти события своей слишком бурной жизни.

– Неделю назад... – буркнула Кассандра, все еще не отрывая взгляда от торта.

– А, ну вот. Мы познакомились пять дней назад. У него есть дочь, и у нее завтра день рождения.

– Вы познакомились пять дней назад, и ты ему три дня пекла торт? Для его дочери? – она чувствовала, как растут злость и раздражение. Все, чего она сейчас хотела бы, – это взять эту коробку и швырнуть в соседку. Она даже представила ее удивленно вытаращенные глаза из-под кусков бисквита и крема. – То есть для совершенно незнакомого человека ты потратила три дня...

– Ну а что такого? У меня пока перерыв, я отпустила учеников на каникулы, галерея закрыта на ремонт... Не нравится что ли? Правда? – Нэтали, казалось, готова была разрыдаться. Она обходила стол то с одной стороны, то с другой, наклоняя голову в разные стороны.

– Нравится, Нэт. Дочка твоего нового знакомого будет в восторге, – процедила сквозь зубы Кассандра и наконец отвернулась.

– Да? – просияла соседка. – Ну... Ладно! Мне нужно было второе мнение. Он придет скоро, чтобы забрать торт и... ну ты понимаешь.

– Понимаю, – грубо отрезала хозяйка квартиры, в два шага вернулась в прихожую и открыла входную дверь.

Нэтали подхватила свой шикарный торт и выпорхнула за дверь, прочирикав на прощание «До встречи». Ее не покорила ни реакция соседки, ни желание выгнать случайную гостью. Она вообще редко обращала внимание на то, что чувствуют другие люди, и уж тем более никогда не задумывалась о том, чтобы постараться кого-то не обидеть.

Кассандра захлопнула за ней дверь и пнула так не вовремя попавшийся под ногу кроссовок.

Она вспомнила, как бесилась каждый раз, возвращаясь с прогулки с соседкой – гадкое чувство, что ею просто пользуются, не отпуская. Но сегодня, в день ее рождения, узнать о том, что какой-то незнакомец, с кем Нэтали знакома всего пять дней, удостоился большего внимания, чем сама Кассандра, было крайней точкой.

А еще такой счастливый до этой минуты день вдруг стал бесконечно тоскливым. Настолько, что, подойдя к маленькому встроенному бару, девушка достала толстый стакан и плеснула в него немного неразбавленного виски и залпом выпила до дна.

Стало немного легче. Случайная мысль о невыносимом одиночестве, так знакомая ей с той, прошлой, жизни отступила. Ну и что, что в ее день рождения ей не позвонил никто – ни соседка, ни коллеги со съемочной группы, ни друзья.

– Друзья, – девушка выплюнула это слово, как будто это был скользкий червяк, непонятно каким образом забравшийся ей в рот.

Девушка плеснула себе еще виски, осушила стакан, и, выключив свет, ушла в спальню. Спать не хотелось, но продолжать этот нелепый день было невыносимо.

В голове роились мысли, жужжа, будто пчелы, перебивая друг друга. Гул то нарастал, то убывал, в зависимости от того, как девушка то проваливалась в полусон, то возвращалась обратно. Намучившись около часа, она принесла планшет и включила первый попавшийся сериал, и впервые в этой жизни подумала о том, чтобы установить в спальне телевизор.

***

Две недели спустя Кассандра открыла дверь в десять часов вечера, не предвкушая ничего хорошего от позднего посетителя.

И точно – на пороге стояла уже слегка пьяная Нэтали, опиравшись спиной на стену напротив двери.

– Зайдешь или хочешь пройти? – вздохнула хозяйка квартиры, отходя из дверного проема.

– М-м-м-м... – неуверенно качнулась вперед соседка и почти упала в маленькую прихожую. Если бы Кассандра отступила еще на шаг назад, падение было бы неминуемо.

Хозяйка квартиры проводила соседку до дивана, развернутого к огромному окну на всю стену, заварила крепкий кофе и, поставив кружку на круглый столик, села на мягкую напольную подушку – свое любимое место, на котором она проводила вечера, сидя со скрюченной спиной над книгой или просто глядя на ночной город.

– Ну, расскажешь? – наконец спросила Кассандра, в глубине души проклиная себя за слабость. Зачем она опять поддается на эти манипуляции?

– Он сошелся с женой, – Нэтали нарисовала в воздухе известную ей одной фигуру указательным пальцем левой руки и устало уронила ее на колени.

– Хм-м-м...

– Ожидаемо, да? – усмехнулась соседка и икнула.

– Ожидаемо, – кивнула Кассандра и подперла рукой подбородок. – А на что ты рассчитывала?

– На что? – Нэтали нахмурилась и задумалась, как будто сама не знала, какие у нее были планы на нового ухажера. – На счастливую семейную жизнь, конечно.

– А что, счастливая жизнь возможна только в семье? – прищурилась Кассандра, как будто сама смаковала жизнеспособность этой мысли.

– Ну... Покажи мне того, кто счастлив без семьи.

– Я, например, – пожалала плечами Кассандра, стараясь выглядеть как можно более уверенной. На самом деле последние две недели дались ей нелегко.

– Ты? – Нэтали рассмеялась так, что из глаз полились слезы. – Ты обманываешь себя, Касс. Ты думаешь, я не понимаю, почему ты постоянно выслушиваешь мои бредни об очередном неудачном романе? Я сама не могла этого раньше понять. Никто больше не хотел постоянно выслушивать все это – ты единственная. Мне даже однажды стало неудобно перед тобой – я же появляюсь тогда, когда мне хреново. Заметила?

Кассандра кивнула и улыбнулась. Она понятия не имела, что Нэтали замечает это, ведь сама поняла совсем недавно.

– И я заметила. Или ты думаешь, я специально? Нет, – Нэтали потрясла головой, как будто собака, вылезшая из реки. – Я просто искала отдушину, и ты стала единственной, кто согласился ею быть. Все просто. Но мне стало стыдно, и я пошла к психологу – лучше выливать свое дерьмо человеку, которому платишь за это – я так решила. Но, ты не поверишь, она мне сказала, что ты сама получаешь удовольствие от наших ночных сопливых вылазок. И знаешь почему?

Ее собеседница помотала головой. Улыбаться уже не хотелось. Хотелось положить подушку на голову соседки и хорошенько придавить, чтобы ни один звук больше не вырывался из ее болтливой глотки.

– Это только предположение, не претендую на истину. Может быть, твой психолог скажет что-то другое... У тебя есть психолог, Касс? – Нэтали прищурилась, стараясь разглядеть что-то на лице соседки в полутьме комнаты. – В любом случае у моего вполне определенное мнение – ты несчастлива в своей одинокой жизни, поэтому кайфуешь от моих неудач. Они тебе дают подтверждение, что ты сделала правильный выбор, решив остаться одна. Я права?

Кассандра молчала, глядя на почти протрезвевшую соседку. Она должна была взорваться от гнева, но почему-то не получалось. Могла бы и согласиться, но не хотела. Вместо какой бы то ни было мысли в голове был вакуум.

– Я не знаю, Нэт, – честно призналась девушка. – И какое это имеет отношение к моему вопросу?

– А какой был вопрос? – нахмурилась соседка.

– Почему ты думаешь, что счастье возможно только с кем-то? Я вот, пусть даже самоутверждаясь за твой счет, вполне себе счастлива. Кому-то нужны для этого семья и дети, а мне всего лишь наши ночные разговоры. Да и то с моей работой мне бы хватило две-три встречи в год, – Кассандра задумчиво смотрела на Нэтали, начиная все больше чувствовать к ней отвращение. – Только ты гораздо чаще остаешься у разбитого корыта. Не раз и не два в год, и даже не пять. Я приехала из командировки три недели назад, а сегодня ты пришла уже со второй историей об очередном разрыве. Ты бьешь все рекорды, Нэт. Но я могу сказать тебе только спасибо.

– Грубо, – усмехнулась Нэтали, допила остатки остывшего кофе и поискала глазами бар. – Не нальешь мне чего покрепче?

– А нужно? – усмехнулась девушка.

Нэтали пожалала плечами и откинулась на спинку дивана. Было видно, что, несмотря на неприятный разговор, находиться в обществе другого человека ей было все же легче, чем остаться одной. Где-то в глубине души она даже надеялась, что ей разрешат остаться на ночь.

Кассандра не спеша поднялась с пола, налила Нэтали и себе по одной третьей виски в пузатые стаканы, кинула по паре кубиков льда и достала из шкафа коробку конфет. Обычно она старалась питаться правильно и совсем не пила, но сегодня был другой случай.

– Ну вот, другое дело, – Нэтали обхватила стакан тонкими пальцами и поболтала коричневую жидкость, рассматривая ее на свету. – Ты только не обижайся на меня, Касс. Рука руку моет. Несмотря на то что я как будто пользуюсь тобой, ты тоже имеешь свою выгоду.

– Давай опустим это, Нэт. Не могу сейчас сказать, зачем слушаю твои бесконечные истории о несчастной любви, но если бы они мне не нравились, поверь, наше общение закончилось бы. Уж расставаться-то с людьми я умею...

– Ну и прекрасно, – улыбнулась девушка и сделала маленький глоток. – Хочешь послушать про Дэвида?

– Совсем нет. Так его зовут Дэвид?

– Дэвид, да. Я говорила тебе.

– Возможно, – пожал плечами Кассандра, тоже отпила из стакана и потянулась за конфетой. Помадка. Она поморщилась.

– Ну в общем, он мне говорил, что они в разводе. Рассказал про дочку. Помнишь, я приходила к тебе с тортом? Он приехал ко мне тем вечером забрать торт и... ну ты понимаешь. Только на день рождения дочери он меня не позвал. Мне бы насторожиться, но он напел какую-то историю про то, что девочка переживает их развод и все такое... Он приезжал еще пару раз, только ко мне, никуда не водил. А вчера я его увидела случайно в ресторане – обедала там с подружкой, – Нэтали осеклась и покосилась на Кассандру. Обиделась или нет? Но та сидела с равнодушным лицом и перебирала конфеты в коробке. – Он был там не один, а с какой-то курвой. Я ему написала сегодня, и он ответил, что помирился с женой. Нормально?

– Закономерно, – парировала Кассандра, разжевывая мягкий шоколад с клубничным джемом.

– Ты права, – Нэтали надула губы и схватила первую попавшуюся конфету. – Но почему так, Касс? Я что, недостойна любви?

Кассандра пожал плечами. Она сама не знала, почему не хочет отношений, хотя догадывалась.

Ее чудесное детство началось в четырнадцать лет, а до этого времени приходилось терпеть пьяницу отчима и приставлять стул к дверям спальни – так просила мать. Девочка видела, как страдает Норма, но не расходится с ним, потому что не привыкла жить иначе. Ей было лучше пусть с таким ублюдком, лишь бы не одной. А вот ее маленькая дочка этого никогда не понимала и считала одиночество самым дорогим подарком и втайне благодарила Бога за то, что у нее нет ни братьев, ни сестер, а матери на нее плевать, как и отчиму. Девочка росла, как трава у дороги, и, скорее всего, это и наложило отпечаток на ее нынешнее отношение к браку и семье.

– Мне кажется, тут не о достоинстве идет речь, Нэт, – вздохнула Кассандра, возвращаясь из своих воспоминаний. – Все сложно. Жить с другим человеком сложно. Заинтересовать кого-то сложно. К каждому нужен подход, а какой, кто его знает? Наверное, повезло тем, кто со школы сумел закомутать какого-то простачка и держать его в узде до самой старости. А может быть, их отталкивает твоя доступность. Ты же доступная, понимаешь?

– Я?! – Нэтали хотела возмутиться, но получилось совсем не искреннее, а скорее жалко.

– Я, конечно, плохо понимаю в отношениях... Точнее ничего, – ухмыльнулась Кассандра. – Но, очевидно, ты что-то делаешь не так. Одной и той же стратегией нельзя достичь разных результатов. А из того факта, что ты на третий день знакомства, а иногда и раньше, приглашаешь их домой... Ну... Вряд ли это говорит им о том, что ты настроена серьезно и не рассматриваешь другой вариант. Или нет?

– Знаешь, ты права... – задумчиво протянула Нэтали и сползла по дивану.

– Конечно, – пожала плечами Кассандра.

– Да нет, я не про это, – нервно прервала ее соседка. – Я про то, что если стратегия не работает, надо ее менять.

Нэтали осушила стакан, запихнула в рот сразу две конфеты, последние оставшиеся в коробке, подскочила и начала метаться по комнате.

– Вопрос в том, какой должна быть эта новая стратегия. Так ведь? – она так резко повернулась к дивану, что пошатнулась и чуть не упала.

– Ну так, – нехотя буркнула Кассандра и со вздохом поднялась, чтобы достать вторую коробку конфет.

Нэтали следила за ней взглядом, явно думая о чем-то своем. Красивое ухоженное лицо соседки сейчас осунулось, уголки губ были опущены, а рот искривлен. Под глазами висели темные мешки, не закрашенные, как обычно, толстым слоем тонального крема. Глаза без намека на косметику и явно заплаканные будто потухли. Даже полумрак не мог все это скрыть, более того, кажется, даже усугублял ситуацию, накладывая тени на морщины, бегущие от крыльев носа. Оглянувшись на соседку, Кассандра даже вздрогнула, как будто увидела ее впервые в жизни, и чуть не уронила коробку конфет, которую держала в руках.

– Нэт, ты... в порядке? – осторожно переспросила она.

– Я? В полном. Что, хреново выгляжу? – Нэтали усмехнулась и обернулась, чтобы посмотреть на свое отражение в окне. – М-да, тот еще у меня видок. Ну что, какая стратегия, а?

– Откуда мне знать, – пожала плечами Кассандра.

– И то верно. Ты у нас вообще не пользуешься успехом у мужского пола.

Кассандра улыбнулась и ничего не ответила. С самого университета она не нравилась никому, и это было взаимно.

– Слушай! – Нэтали, уже успевшая налить себе еще виски и залезть на диван, поджав под себя ноги, опять оживилась. – А пошли завтра на пляж?

– На пляж? – удивилась Кассандра.

– Ну да. Позагораем, покупаемся. Посмотрим на контингент. Рядом есть неплохой пятизвездочный отель, там обычно отдыхают неплохие экземпляры...

– Ты думаешь, на пляже в отеле можно познакомиться с кем-то для длительных отношений? – ухмыльнулась Кассандра. – Там же одни командированные и отцы семейства с детьми. Какой смысл?

– Ты ничего не понимаешь, – закатила глаза ее соседка.

– Хорошо, – отмахнулась от нее Кассандра, боясь, что объяснения растянутся не на один час. – Идем завтра на пляж. С утра?

– С какого еще утра? Ты меня видела? Мне надо выспаться, чтобы выглядеть как минимум прилично, – Нэтали засмеялась, допила залпом то, что оставалось в стакане, схватила несколько конфет, и, не говоря больше ни слова, ушла.

Кассандра несколько секунд повертела стакан, только что наполненный свежей порцией виски, а потом вылила все в раковину, взяла с собой коробку конфет и переместилась на свое любимое место у окна на подушке.

Несколько минут она сидела со сгорбленной спиной и ела одну за другой шоколадные конфеты. Когда коробка была пуста, девушка нехотя распрямилась и немного выгнулась назад в попытке размять затекшие мышцы.

Посмотрев в окно, она увидела свое отражение. Высокая, иногда даже казалось, что слишком, девушка с кудрявым облаком черных волос смотрела на нее, не моргая и не двигаясь. В какой-то момент ей показалось, что на нее глядит не ее отражение, а та, другая Кассандра, так и оставшаяся в темной пустой комнате, пригвожденная к ненавистному городу одной-единственной мыслью: «Ты навсегда застряла в этом дерьме». Девушка вздрогнула и помотала голо-

вой, пытаясь отогнать воспоминания о своем безжизненном взгляде, так часто мелькавшем в зеркале. Она только училась видеть в отражении что-то другое, кроме себя прежней.

Получалось не очень.

***

На пляже было жарко. Еще не было и одиннадцати часов утра, а солнце уже палило нестерпимо. Под разноцветными зонтиками прятались раздетые дети и их матери, укутанные в парео. Мужчины в основной массе либо плавали, либо сидели на шезлонгах, подставив под обжигающие лучи свои белые тела. Они не любили тратить попусту время, поэтому поход на пляж должен был иметь какую-то цель: поплавать либо позагорать. А бесцельно прятаться от солнца они могли и в комфортных номерах пятизвездочного отеля, раскинувшегося почти на все побережье.

– Знаешь, это успех, – томным голосом протянула Нэтали.

– М-м-м? – отреагировала лениво Кассандра.

– Посмотри на них. На мужиков. Ну все как один с пузами. Почему?

– Эм-м-м...

– Потому что женаты и не хотят ничего менять! – Нэтали подняла вверх указательный палец, приподняла голову выше, стараясь оглядеться по сторонам, и снова упала лицом в мягкое полотенце. – А женщины?

– Так? – с осторожностью протянула ее собеседница.

– Они выглядят шикарно. Согласна?

Кассандра прищурилась, пытаясь разглядеть что-то в тени зонтиков, но, отчаявшись, просто неуверенно кивнула.

– Молчание – знак согласия, – парировала Нэтали. Кивок соседки остался незамеченным, так как ее лицо все еще было погружено в махровый кусок ткани. – А все потому, что женщина никогда не оставляет надежды найти что-то получше. Или я не права?

Кассандра даже не удосужилась покопаться в своих мыслях, чтобы найти более или менее подходящую под ситуацию, и сразу кивнула. Она в этих вопросах совсем не разбиралась и никогда ни с кем их не обсуждала, поэтому какого-то сформированного мнения, которое хотелось бы отстоять, у нее не было.

– А это говорит нам о чем? – не унималась Нэтали. Как оказалось, трезвой она была еще более нудной, чем под алкоголем. Кто бы мог подумать!

– О чем? – покорно переспросила Кассандра и поправила огромные, на пол-лица очки.

– О том, что надо искать мужчин, которые за собой следят. Потому что будет сразу понятно – они все еще в поиске, несмотря на статус женатика. Верно я говорю?

Логика Нэтали была недоступна сознанию ее настолько, что у той заболела голова, но спорить значило углубиться в эту тему и, не дай Бог, заработать себе мигрень.

– Я пойду поплаваю, – вместо ответа Кассандра поднялась с лежака и, не говоря больше ни слова, отправилась к морю.

Вода в это время была теплее, чем в то утро, когда она решила окунуться после пробежки. Тут и там торчали головы отдыхающих, покачивающиеся в такт с волнами. Если абстрагироваться от понимания того, что где-то там под водой точно так же плещутся их тела, становилось жутковато. Как будто это были не головы, а мины, готовые вот-вот взорваться, стоит только приблизиться. Некоторые и правда взрывались – Кассандра, проплывая мимо, задевала иногда ногами купающихся, и тогда те норовили разразиться проклятиями или как минимум бросали недовольные взгляды.

– Вы хорошо плаваете.

Кассандра от неожиданности чуть не ушла под воду и набрала воды через нос.

– Извините, – засмеялся молодой человек, глядя, как девушка отфыркивается от воды, вытекающей у нее из носа.

– Ничего. Я просто не ожидала, – придя в себя, Кассандра улыбнулась.

– Вы отличаетесь от других отдыхающих. Особенно от женщин, – улыбнулся в ответ молодой мужчина. Он был ничем не примечателен, и его нельзя было даже назвать красивым. Обычное среднестатистическое лицо с прямым носом, светлыми волосами и широкой улыбкой. Единственное, что бросалось в глаза – маленькая родинка у уголка губ.

Кассандра, увидев эту родинку, застыла. Ей показалось, что где-то она уже видела этого молодого человека. Возможно, не в этой жизни?

– И чем же я отличаюсь? – осторожно переспросила она, пытаясь найти в закоулках памяти нужное воспоминание.

– Вы плаваете. А другие просто заходят в воду и висят, как будто буйки, – мужчина засмеялся, широко открывая рот и обнажая ряд идеально белых зубов.

– Мне показалось, что как мины, – виновато улыбнулась девушка. – Не знаю, откуда у меня это...

– Хм-м-м! Мины! Пожалуй, так даже вернее. Меня зовут Ник. Ник Ланкастер.

Девушку обдало холодным потом, и если бы она уже не была по уши в воде, обязательно промокла бы насквозь. Ник. Тот самый Ник из ее города? Тот самый Ник с праздника? Тот белокурый мальчик, который носил ей куски вкуснейшего торта и забавлял все время, пока они не разошлись по домам? Это было просто невероятно.

– А я Кассандра, – наконец вымученно улыбнулась девушка и с опаской посмотрела на него: вспомнит или нет?

Не вспомнил. Ник болтался в воде, перебирая ногами, и даже смотрел уже не на нее, а на берег.

– Мне пора. Вон моя детвора. Видите? Три сорванца с замученной женщиной? Моя жена, – молодой человек улыбнулся, и его лицо сразу преобразилось: в глазах появились такие невыразимые нежность и любовь, каких Кассандра не видела никогда и ни у кого. Он махнул ей на прощание и, большими махами перебирая руками, поплыл к берегу.

– Ну что, наплавалась? – на Нэтали попало несколько брызг, и она взвизгнула. – Аккуратнее!

Кассандра расположилась на своем лежаке, повернув его так, чтобы был виден тот кусок берега, на котором отдыхала семья Ника Ланкастера. Он, его молодая жена и трое детей.

Невооруженным глазом было видно, как он любит и ее, и их сыновей. Сколько нежности, сколько заботы было в его движениях. Мальчики тоже, очевидно, обожали отца и практически не отходили от него. А жена, как показалось Кассандре, наслаждалась этими минутками, когда могла побыть одна, и весело смеялась, глядя на то, как дети карабкаются по ее мужу.

Вопреки мнению Нэтали, Ник выглядел очень хорошо, даже слишком. Если его лицо было приятным, но среднестатистическим и обычным, то его тело откровенно просилось на обложку журнала, в ровный загар только подчеркивал рельеф мышц.

– Куда смотришь? М-м-м? – Нэтали перевернулась на спину и теперь обозревала пляж сквозь темные стекла очков.

– Никуда, – соврала Кассандра и прикрыла глаза. Из-под очков их все равно было не видно, но зачем рисковать?

– Не ври мне. Понравился тот блондинчик? – Нэтали крутила головой, переводя взгляд то на свою соседку, то на резвящегося с детьми мужчину.

– Нет. Мне просто кажется, что мы с ним когда-то были знакомы и росли в одном городе, – Кассандра вздохнула, предвкушая очередной виток глупых разговоров. И точно.

– О как! Вот это судьба! – Нэтали оживилась. – И что? Вы с ним поговорили?

– Поговорили. Он счастливо женат, у него трое детей, – Кассандра грустно улыбнулась. Она сама не могла понять, почему вдруг ей так нестерпимо захотелось домой. Отгородиться от всех, закрыть тяжелые шторы, не пропускающие солнечный свет, и заказать самый огромный бургер из ресторана у дома, чтобы потом ей было не просто плохо, а очень плохо. До тошноты, до рвоты.

– Пф-ф-ф, – фыркнула Нэтали. – Кто тебе это все сказал? Всегда есть шанс!

– Не нужен мне никакой шанс, – разозлилась Кассандра. – Я не вижу смысла прятаться в семье, и вообще... Для меня это все бред, что человек может быть счастлив, только находясь в отношениях. Я вполне довольна своей жизнью.

– Да ладно тебе, не кипятись. Уже и спросить нельзя, – надула губы Нэтали.

Еще через секунду она поймала взгляд одного из мужчин, сидевших прямо на песке у воды в компании друзей, и начала активно с ним флиртовать, не стесняясь повернуться самой красивой своей стороной, то есть задом.

Кассандра закатила глаза и взяла книгу. Некоторых людей нельзя изменить. Еще вчера они говорили о том, что Нэтали надо поменять стратегию поведения, а уже сегодня все это было благополучно забыто. Она могла бы ей помочь, но...

***

Кассандра бежала уже час. Когда она почти задышалась, сбавляла темп, но на шаг не переходила. Мимо нее проносились скамейки, пустые в этот ранний час, и одинокие люди, привязанные поводками к своим собакам, не вывести утром погулять которых было нельзя. А ведь большинству так хотелось подольше поспать. Прохожие смотрели на изможденную и уже даже не красную, а фиолетовую девушку с удивлением – что может заставить человека продолжать бежать, когда видно, что это тяжело.

Наконец, сделав еще несколько десятков широких шагов, девушка повернула налево и, перепрыгнув через узкую полоску газона, побежала по желтому песку. К морю.

Разувшись у самой кромки воды и зашвырнув кроссовки подальше, чтобы их не унесло водой, девушка как была, в спортивных шортах и футболке, с разбега нырнула в прохладную воду. Ее опять окутали тишина и спокойствие, которых так не хватало на берегу. Кассандре даже на миг показалось, что она готова плыть и плыть, пока у нее не кончится воздух в легких, а потом отдаст себя на милость этой великой стихии и покорится набегающим волнам. Она даже попыталась представить, насколько это страшно – захлебнуться водой. И пойдет ли она на дно или останется вечно дрейфовать, как бутылка с запиской внутри, брошенная путником с необитаемого острова. Возможно, ее тело вынесет на берег, а может, отнесет дальше в море, где оно будет болтаться еще долго в надежде никогда не встретить проплывающее мимо судно.

Почувствовав, что хочется вдохнуть и терпеть больше нет сил, Кассандра вынырнула на поверхность и легла на мягкую воду, еле-еле покачивающую, а скорее, убаюкивающую. Полностью расслабившись и высунув только нос для того, чтобы дышать, девушка дрейфовала несколько минут, прислушиваясь к гулу моря. Песок, перекачиваясь под силой волн, нашептывал ей свои тайны, но разобрать их она не могла. Только представляла, о чем могли бы рассказать эти бесчисленные песчинки. Она почти уснула, но накатившая волна забила ей дыхание, и девушка перевернулась обратно на живот, пытаясь откашляться. Получилось. Помотав головой вокруг и увидев берег, она размеренными махами поплыла назад.

Выйдя на берег, Кассандра села прямо на мокрый песок так, чтобы волны накатывали на ее ноги, засыпая их постепенно осколками ракушек. «Быть похороненной на этом пляже тоже

могло быть удачной идеей», – вдруг пришло ей в голову, и она весело засмеялась, сама не зная почему. Мимо проходившая парочка оглянулась на нее и ускорила шаг.

С трудом поднявшись на почти негнущихся ногах, уставших от долгого бега, девушка подобрала свои кроссовки и пошла в сторону дома прямо по береговой линии, не желая выходить на мягкую дорожку, покрытую неизвестным ей материалом, но идеальную для утренних пробежек. Через двести метров она заметила продавца больших кренделей и решила, что небольшую поблажку заслужила. Свернув налево, она аккуратно пробралась через достаточно широкий в этом месте дорожки газон и встала перед разноцветным билбордом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.